

Глава первая

Либби

Когда я думаю о Джеке, то стараюсь вспоминать о том, как я на подкашивающихся ногах вываливалась с американских горок на набережной Брайтона. Я стараюсь вспоминать о том, как он пичкал меня облаками липкой сладкой ваты, лежа рядом со мной на тонкой подстилке на галечном пляже. Я стараюсь вспоминать о том, как, сидя в первом ряду кинотеатра, вдруг понимала, что у меня полная пазуха попкорна. Я пытаюсь вспоминать о том, как хохотала до изнеможения, до слез.

— Либби, Либби, ну же, проснись! Не засыпай!

Это произносит мягкий, но настойчивый и даже слегка умоляющий голос.

Я открываю глаза и вижу его как в тумане. Мужчина с мягким и умоляющим голосом не имеет четких очертаний, и сколько бы я ни моргала, ситуации это не меняет. У меня мокрые щеки и кружится голова. Мне так холодно! И еще у меня болит все без исключения.

— Хорошая девочка, — говорит он. — Попытайся не закрывать глаза. Хорошо? Ты не должна заснуть. Ты знаешь, кто я? Ты меня помнишь?

— Сэм, — говорю я, хотя мне кажется, что мои слова не облекаются в звуки. — Ты — пожарный, значит, тебя зовут Сэм.

Я вижу его уже более четко. Туман рассеивается, и мне удается различить его черты. Поэтому я вижу улыбку, расколовшую темноту его лица.

— Почти в точку, — произносит он.

— Я умру? — спрашиваю я.

Опять же, я не уверена, что мне удалось издать какие-то звуки, но Пожарный Сэм меня, похоже, услышал.

— Ни в коем случае, — говорит он и снова улыбается.

Если бы он не был так похож на моего брата, не обладал мягкими чертами его лица, его темно-коричневой кожей и яркими, почти черными глазами, я бы в него, наверное, влюбилась. Но ведь для этого и существуют герои, верно? Чтобы в них влюблялись.

— *Машина взорвется?* — спрашиваю я скорее из любопытства, чем от страха.

— Нет. На самом деле это бывает только в кино.

— *Я Джеку так и сказала. Но он, кажется, мне не поверил.*

— Расскажи о нем.

— *О Джеке?*

— Да. Раньше ты мне о нем рассказывала.

— *Джек...*

Когда я думаю о Джеке, я стараюсь не вспоминать о том, что в подвале нашего дома стоит закрытый шкаф без ключа. Я пытаюсь не вспоминать о том, как Джек сворачивается клубочком в темноте и плачет, просматривая старые фильмы. Я пытаюсь не вспоминать о том, как я сижу напротив него за обедом и спрашиваю себя, когда он начал казаться мне незнакомцем. И я пытаюсь не задаваться вопросом, когда же время заключит его в свои целительные объятия, поможет ему почувствовать себя целостной личностью и открыть мне свое сердце.

— Либби, Либби, ну давай, расскажи мне о своем муже.

— *Ты меня слышишь?* — спрашиваю я у Пожарного Сэма.

Мне трудно поверить в это, потому что я сама себя не слышу.

— Я читаю по губам.

— *Значит, ты вытянул короткую соломинку? Вот почему ты со мной.*

— Мне это не в обузу.

— *Короткая соломинка. Я сказала: короткая соломинка. На самом деле ты не умеешь читать по губам, верно? Ты просто при-
творяешься, чтобы сидеть возле машины и не поднимать ничего тяжелого.*

Он снова улыбается.

— Ты меня раскусила. Не знал, что я настолько очевиден.

— Иногда это очень даже мило.

— Итак, Джек?

— Он тебе нравится? Ты поэтому ко мне цепляешься? — спрашиваю я. — Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко.

Пожарный Сэм смеется. У него низкий и раскатистый смех.

— Я почти уверен, что я не в его вкусе. И я на сто процентов уверен, что он не в моем вкусе.

— А-а, брось. Не стоит так закрываться от новых возможностей. Когда я с ним познакомилась, он тоже был не в моем вкусе. Но посмотри на нас. Одна жена у него уже умерла, а вторая скоро к ней присоединится.

— Либби, ты не умрешь, — строго говорит он.

Внезапно я понимаю, что он на меня сердится, а у меня совершенно нет сил. У меня болит все тело, но особенно одна сторона головы и нос. Вообще-то, у меня болит вся эта сторона тела. И еще она меня не слушается. И мне холодно. Мне очень хочется уснуть, чтобы не ощущать ни боли, ни холода. Во сне ведь боль не ощущается, верно?

— Либби, Либби, Либби! — снова зовет он. — Пожалуйста, не спи! Тебя ждет Джек. Он отказывается ехать в больницу, не убедившись, что с тобой все в порядке. Все будет хорошо.

— Ты хороший, — говорю я ему.

Он такой хороший, что я не хочу говорить ему, как у меня все болит, чтобы он не расстроился. Зачем ему слушать мое нытье? Я просто хочу уснуть. Я просто хочу закрыть глаза и уснуть...

— Ребята скоро начнут резать машину, Либби. Как только они это сделают, ты сразу поедешь в больницу, где о тебе позаботятся. Хорошо? Но мне нужно, чтобы, пока они будут резать, ты не спала. Ты слышишь меня, Либби? Ты понимаешь, что я тебе говорю?

— Я все понимаю, — отвечаю я ему. — Я самый понимающий человек на земле. Можете спросить у Джека.

— Через несколько секунд здесь будет очень шумно. Но ты, главное, не спи. Хорошо?

— Я не сплю.

Мир скрежещет, машина визжит. Ее разрывают и разрезают на части, и она кричит в агонии. Она хочет, чтобы эта боль прекратилась, а я хочу, чтобы прекратился этот шум. Я хочу спать. Я просто хочу спать. Я закрываю глаза и опускаю голову.

Когда я думаю о Джеке, я стараюсь вспоминать, как мы спали вместе. Наши тела складывались, как части живого пазла, настолько идеально соответствуя друг другу, что неровности казались игрой воображения. Я стараюсь не вспоминать о том вечере, когда, ложась с ним в постель, задалась вопросом: не хочется ли ему видеть на моем месте какую-то другую женщину?

Когда я думаю о Джеке...

Июль 2008

— Я думаю, что вас и эту машину ждет очень счастливое будущее, — произнес Гарет.

Гарет — один из тех мужчин, которые являются вашими лучшими друзьями, пока вы сидите напротив, твердо вознамерившись расстаться с крупной денежной суммой. Но случись вам встретить его в пабе или клубе, он вас не просто проигнорирует. И он, и его дружки (все достаточно взрослые люди, чтобы уже не страдать подобной фигней) поднимут вас на смех. Они обсмеют ваш внешний вид, вес и стиль одежды. И только потому, что вы не соответствуете сложившимся у них представлениям об идеале порнозвезды.

Проведя в его компании сорок минут, я могла с уверенностью заявить, что Гарет мне не нравится.

Мне удалось натянуто улыбнуться. Мне хотелось, чтобы все это поскорее закончилось. Я хотела вручить ему задаток, сообщить свой адрес и поскорее уйти с тем, чтобы никогда не возвращаться. Остальной платеж я намеревалась совершить кредиткой по телефону, после чего мне должны были доставить машину.

Мой взгляд устремился к витрине торгового зала, где стоял мой небесно-голубой «Поло». Он как будто сиял, выделяясь на фоне остальных серых, черных и красных монстров. Он был вызывающе прекрасен.

Гарет что-то говорил, поэтому я обернулась к нему и заставила себя прислушаться. После того как я скользнула в мягкий кремовый кожаный салон машины и немного на ней прокатилась, меня уже мало что интересовало. Мой первый автомобиль. Две недели назад я сдала экзамены, и это была первая машина, за рулем которой я могла себя представить и которую могла себе поз-

волить. Мне пришлось хорошенько поторговаться, потому что у меня не было старого автомобиля в обмен, но «Поло» стоил затраченных усилий.

— Скажите, Либби, быть может, вы хотите, чтобы мы обработали кузов и салон машины для защиты от царапин и повреждений? Это не позволит детишкам испортить эту изумительную кожу всякими напитками и прочей ерундой. А учитывая, что вы живете в Брайтоне, где такой соленый воздух...

— Гат, дружище! — перебил его чей-то голос.

Я подняла глаза. В нескольких дюймах от меня стоял мужчина в огромных очках-авиаторах с черными линзами. Этого было достаточно, чтобы составить о нем исчерпывающее мнение. Все остальное — его рост, светлые вьющиеся волосы, ухоженное лицо, толстое золотое кольцо на среднем пальце правой руки и часы от Тага Хойера, а также его тело, облаченное в рубашку от Ральфа Лорена и джинсы от Кельвина Кляйна, — не имело никакого значения на фоне того, что он входит в помещение, не снимая солнцезащитных очков.

Гарет вскочил на ноги. Его лицо расплылось в улыбке, а глаза засияли.

— Джек! Рад тебя видеть! — Он протянул Джеку руку с таким видом, что было ясно: он взволнован возможностью прикоснуться к этому человеку.

В свое время я насмотрелась на мужские увлечения другими мужчинами, но то, как Гарет относится к Джеку, было столь очевидно, что на это неловко было смотреть. Мне нетрудно было представить себе Гарета сидящим поздним вечером в полном одиночестве на диване в гостиной. Он смотрит на телефон и ждет, ждет его звонка, надеясь, что Джек пригласит его выпить шампанского и позаигрывать с хорошенькими женщинами.

— Слышь, приятель, мне нужна твоя помощь, — с теплотой в голосе произнес Джек.

Можно было подумать, что Джек искренне симпатизирует Гарету, в то время как на самом деле он, скорее всего, почти ко всем людям относился с легким презрением и посматривал на них свысока. Это открытым текстом было написано у него на лбу и явствовало из его манеры держаться.

— Одну минуту, — только и бросил в мою сторону Гарет.